

Интеграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе: новые контуры восточноазиатского регионализма

Е.С. Мартынова

Мартынова Елена Святославовна — аспирант кафедры мировой политики факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ; E-mail: emartynova@hse.ru

В течение последних десятилетий региональная архитектура Восточной Азии претерпела существенные изменения, особенно после азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг. В статье рассматривается формирование новой региональной структуры — Восточноазиатского саммита (ВАС). Проанализированы взгляды стран-участниц относительно возможностей нового интеграционного объединения и мотивы их вступления в ВАС. Отдельное внимание уделено вопросу взаимодействия различных организаций, создаваемых под эгидой АСЕАН, со структурами глобального управления и, в частности, с «Группой двадцати». В статье предпринята попытка определить основные тенденции регионализации в Восточной Азии и, насколько возможно, предсказать будущие контуры интеграционных структур.

Ключевые слова: АСЕАН, «АСЕАН+3», Восточноазиатский саммит (ВАС), «Группа двадцати», регионализм, интеграционные процессы.

Keywords: ASEAN, ASEAN+3 (APT), East Asia Summit (EAS), G20, regionalism, integration processes.

Интеграционные процессы в Восточной Азии

Азиатско-Тихоокеанский регион в течение последних десятилетий стал играть огромную роль в мировой политике. Исследователи делают различные прогнозы о том, какие процессы будут происходить в регионе, по какому сценарию пойдет дальнейшая интеграция, какие страны будут играть ведущую роль в Восточной и Юго-Восточной Азии, демонстрирующих небывалые темпы экономического роста со второй половины XX в. Сейчас мы наблюдаем достаточно пеструю картину различных интеграционных образований в данном регионе. Отдельные страны заключают двусторонние соглашения различного характера сразу с несколькими партнерами, что создает некоторую путаницу в происходящих политических процессах. В связи с этим многие аналитики задаются вопросом: как долго продлится это фрагментарное состояние, и когда азиатские интеграционные объединения приобретут более определенные очертания.

Одно из наиболее интересных исследований в этой области принадлежит Дэвиду Шамбо. Он предлагает несколько версий, по которым возможно дальнейшее институциональное развитие в Восточной Азии, и убедительно аргументирует, почему тот или иной сценарий маловероятен. По мнению Д. Шамбо, теоретически возможны следующие варианты: доминирование одной державы, соперничество крупных держав, «модель спиц и колеса» (подобно существовавшей в 1970-е годы системе двусторонних военных альянсов США с Японией, Южной Кореей, Филиппинами, Таиландом и Австралией), «концерт великих держав» (подобно концерту ведущих европейских держав,

который просуществовал почти полвека после Венского конгресса 1815 г., где соперничество государств было гарантом стабильности), кондоминиум или дуумвират двух ведущих держав, институционализированное сообщество (подобно АСЕАН, где для всех участников политической арены установлены некоторые правила для всеобщего блага) и комплексная взаимозависимость, которая будет являться следствием глобализации и возрастающей комплементарности национальных экономик. В итоге он пришел к выводу, что «скорее всего, это будет гибридная система, сочетающая в себе элементы сразу нескольких моделей: “модели спиц и колеса”, институционализированного сообщества и комплексной взаимозависимости, а на заднем плане будет вырисовываться система баланса сил» [48, Р. 17]. С момента написания данного исследования прошло несколько лет, в течение которых произошли значительные изменения в системе международных отношений как в Азиатско-Тихоокеанском регионе, так и в мире в целом. Сейчас можно сказать, что из предсказанного Дэвидом Шамбо уже стало реальностью, а что может сбыться уже в ближайшее время.

Институциональная эволюция АСЕАН

В середине 1990-х годов роль АСЕАН в мировой политике стала достаточно неопределенной. АСЕАН столкнулась с такими вызовами, как азиатский финансовый кризис, расширение Ассоциации за счет принятия новых членов из бывшего социалистического лагеря, борьба с транснациональным терроризмом, а также изменение соотношения сил США и Китая на мировой арене [44, Р. 172]. Все это потребовало ускоренной адаптации к новым политическим реалиям. С середины 1990-х годов началось не только формирование новых интеграционных механизмов в Юго-Восточной и Восточной Азии под эгидой АСЕАН, но и институциональная эволюция самой АСЕАН.

В декабре 1997 г. на втором неформальном саммите АСЕАН в Куала-Лумпуре был принят программный документ «Видение АСЕАН 2020» [16]. В этом документе обозначены основные политические и экономические ориентиры АСЕАН на ближайшую перспективу. К 2020 г. страны АСЕАН должны превратиться в стабильный, процветающий и конкурентоспособный на глобальном уровне регион со свободным перемещением товаров, услуг и капиталов. В 2003 г. была одобрена концепция Сообщества АСЕАН, предусматривающая в качестве триединой задачи создание в рамках Ассоциации к 2020 г. (позднее этот срок был перенесен на 2015 г.) сообщества политики и безопасности, экономического сообщества и социально-культурного сообщества [31]. Работу этих ключевых направлений интеграции курируют три совета на уровне руководителей профильных министерств и ведомств. В 2009 г. на 14-м саммите АСЕАН в Таиланде была принята «дорожная карта» формирования Сообщества АСЕАН на 2009–2015 гг. [28]. На основе анализа этих документов можно сделать вывод о том, что стратегическая цель создания Экономического сообщества АСЕАН – укрепить позиции Ассоциации на внешних рынках. Как отмечает А.А. Рогожин, внешняя торговля играет ключевую роль в экономических системах стран АСЕАН [6, С. 56–64]. Поэтому координация экономической политики стран-участниц на приоритетных направлениях приобретает особое значение.

В 2004 г. в целях укрепления организационно-правовой базы деятельности Ассоциации было принято решение о разработке Устава (или Хартии) АСЕАН [14]. 20 ноября 2007 г. в ходе 13-го саммита АСЕАН в Сингапуре, приуроченного к 40-летию Ассоциации, Устав был подписан лидерами АСЕАН [50]. В 2008 г. Устав АСЕАН был ратифицирован и вступил в силу. Принятие Устава стало отправной точкой нового этапа ин-

ституциональной эволюции АСЕАН, ее трансформации в полноценную региональную организацию, обладающую международной правосубъектностью. Предполагалось, что принятие Устава будет способствовать более эффективному взаимодействию с внешними партнерами, а также создаст предпосылки для решения политических, экономических и социальных проблем внутри АСЕАН [58, Р. 350–372]. Фундаментальные цели и принципы АСЕАН остались нетронутыми, но в Уставе зафиксировано принципиально важное решение юридического закрепления определенных норм и правил, обязательных для всех членов объединения. Организацию часто критиковали за неэффективность вследствие низкого уровня исполнения принятых обязательств. В АСЕАН давно назрела объективная потребность в создании системы принятия решений, обязательных для всех стран-членов. Для решения спорных вопросов был создан специальный Механизм урегулирования споров [15]. Этот механизм создан на основе аналогичного органа ВТО. Повышенное внимание стало уделяться мониторингу исполнения ранее принятых решений в рамках АСЕАН. Эти функции возложены на Координационный совет министров иностранных дел АСЕАН. Другим важным нововведением стало решение о начале создания наднациональных органов управления, которым предполагается передать часть полномочий. На 15-м саммите АСЕАН, проходившем в 2009 г. в Таиланде, была подписана декларация о создании межправительственной комиссии АСЕАН по правам человека [27]. Впоследствии предполагается учредить аналогичные наднациональные органы, курирующие вопросы безопасности и экономической кооперации.

Основной задачей внутри региональной интеграции в АСЕАН остается сокращение разрыва в уровнях экономического развития ее «старых» и «новых» членов. В 2000 г. был разработан и утвержден Рабочий план по реализации Интеграционной инициативы АСЕАН на 2009–2015 гг. [38]. Реализация этого плана способствует созданию единого рынка и производственной базы экономически конкурентоспособного и интегрированного в глобальную экономику региона [5]. Все соглашения по торговой либерализации предусматривают гибкий подход, что позволяет разным странам выполнять достигнутые договоренности в наиболее подходящие сроки [4, С. 98–107].

Как отмечают отечественные эксперты, особенностью внутреннего развития АСЕАН после мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. стала эскалация противоречий внутри АСЕАН по всем направлениям формирования предполагаемого Сообщества. В целом приходится констатировать, что, несмотря на принятие множества документов о необходимости усиления обязывающего компонента в процессах «внутриасеановского» сотрудничества, за последние годы заметного прогресса на этом направлении достигнуто не было [3, С. 82–94]. **Неспособность блока преодолевать разногласия может стать причиной замедления темпов строительства Сообщества АСЕАН.** В области построения Восточноазиатского сообщества АСЕАН достигла более заметных результатов.

Многосторонняя дипломатия АСЕАН и перспективы Восточноазиатского сообщества

Страны АСЕАН традиционно проводили политику балансирования между великими державами. Это неудивительно: ведь они несопоставимы по мощи ни с одной из крупных региональных держав. «У них не было и нет другого выбора, кроме как уравнивать хорошие отношения с одними тесным сотрудничеством с другими» [1, С. 37–65]. Тактику АСЕАН нередко называют «политическим хеджированием» или управлением рисками.

Это определение представляется достаточно адекватным сложившейся ситуации, когда страны Ассоциации вынуждены постоянно маневрировать между наиболее значимыми центрами силы – Китаем, Японией и США. Под это определение вполне укладываются все новые интеграционные инициативы АСЕАН с привлечением восточноазиатских и других тихоокеанских партнеров – «АСЕАН+3», «АСЕАН+6», Восточноазиатский саммит (ВАС). Находясь в геополитическом окружении крупных региональных держав, страны АСЕАН продолжают позиционировать себя в качестве системообразующего ядра, вокруг которого выстраиваются новые межправительственные организации [8, С. 82–94]. Рассмотрим эти организации подробнее.

Прообразом «АСЕАН+3» послужила концепция премьер-министра Малайзии Махатхира Мохамеда о создании Восточноазиатского экономического сообщества, выдвинутая в начале 1990-х годов [22, Р. 160]. На официальном уровне Мохамед впервые озвучил свою концепцию на заседании после министерского совещания АСЕАН¹. Он подчеркнул, что новое объединение должно следовать принципам ГАТТ/ВТО, не вступать в конфронтацию с АТЭС и не вредить сплоченности АСЕАН. Однако тогда по ряду причин эта идея не была должным образом реализована [21, Р. 969–985]. Можно сказать, в то время подобный альянс был заранее обречен на неудачу [34, Р. 30–51]. США были категорически против восточноазиатского интеграционного объединения без их участия и всячески препятствовали его созданию. К тому же они видели в этом объединении возможную угрозу АТЭС. Другие региональные державы – Япония и Китай – также весьма прохладно отнеслись к этой инициативе. В частности, Китай был заинтересован в подобном объединении, но выступал категорически против включения в сообщество Тайваня [29, Р. 57–74]. Внутри АСЕАН также не было единства по данному вопросу. Поскольку США в то время являлись главным торговым партнером для большинства государств Восточной и Юго-Восточной Азии, идея создания исключительно восточноазиатской группировки не нашла поддержки у потенциальных участников. О концепции Мохамеда благополучно забыли. Однако вскоре обстоятельства изменились.

Сотрудничество по формуле «АСЕАН+3» фактически началось с 1997 г., когда разразился азиатский финансовый кризис. Именно экономический кризис послужил толчком для перехода взаимодействия АСЕАН и ее северных соседей на качественно новый уровень. Однако Кен Джимбо считает, что это скорее случайность, что первый саммит по формуле «АСЕАН+3» состоялся вскоре после азиатского финансового кризиса [39, Р. 14–42]. Действительно, регулярные встречи представителей «северной тройки» с коллегами из стран АСЕАН начались несколько раньше – еще в период подготовки первого Форума «Азия – Европа» (ASEM) [51, Р. 440–455]. Подобные встречи проводились с целью заблаговременного согласования позиций азиатских стран перед диалогом с западными партнерами. Саммит «АСЕАН+3» был запланирован как одноразовое событие – лишь на втором саммите в Ханое в 1998 г. было решено проводить подобные встречи ежегодно. Фактически сотрудничество в Восточной Азии возникло вследствие прагматической необходимости и изначально развивалось без какой-либо определенной политической цели [63, Р. 55–63]. Группировка была названа «АСЕАН+3», чтобы подчеркнуть ее неформальный характер и лидирующую роль АСЕАН (проведение саммитов «АСЕАН+3» приурочено к ежегодным саммитам АСЕАН) [47, Р. 96]. В период азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг. в странах АСЕАН преобладали скептические настроения относительно чрезмерной ориентации на сотрудничество с запад-

¹ The 23rd ASEAN Economic Ministers Meeting. Malaysia. 7–8.10.1991 // The ASEAN Official Website. URL: <http://www.aseansec.org/6126.htm> (date of access: 15.02.2012).

ными странами. Реальную экономическую помощь государствам ЮВА оказали только Китай и Япония [7, С. 8–16]. Эти восточноазиатские государства значительно больше заинтересованы в АСЕАН как партнере, нежели индустриально развитые страны Запада, которые традиционно считали своим приоритетом европейско-атлантический вектор сотрудничества. Таким образом, азиатский финансовый кризис стал поворотным моментом в процессе формирования нового регионального объединения.

В 2000 г. президент Республики Корея Ким Де Джун выступил с предложением трансформировать «АСЕАН+3» в Восточноазиатский саммит (ВАС). На Лаосском саммите «АСЕАН+3» (2005 г.) было принято решение о проведении первого в истории Восточноазиатского саммита [43]. Как и было запланировано, он состоялся в декабре 2005 г., в Малайзии. В нем приняли участие 16 государств – 10 стран АСЕАН, Япония, Республика Корея, Китай, Австралия, Новая Зеландия и Индия. Были сформулированы определенные критерии, необходимые для членства в ВАС. Страны АСЕАН сформулировали следующие условия, необходимые для участия в первом Восточноазиатском саммите: «страна-участник должна быть членом Договора о дружбе и сотрудничестве (ТАС) или находиться на стадии подготовки к его подписанию, быть полноправным диалоговым партнером АСЕАН и иметь тесные отношения с Ассоциацией» [55, Р. 520–538].

Тем не менее уже на этапе предварительного согласования позиций разгорелась оживленная полемика относительно членства в формирующейся организации. Примечательно, что не было единства мнений и внутри самой АСЕАН. Сингапур, Таиланд и Индонезия выступали за расширение формата «АСЕАН+3». Малайзия, Камбоджа и Вьетнам предлагали проекты с ограниченным количеством участников [25, Р. 11–31]. Япония призывала включить в саммит Австралию, Новую Зеландию и Индию. Китай уверял партнеров, что включение внерегиональных акторов подорвет единство внутри «АСЕАН+3» и отрицательно скажется на реализации заявленных целей.

Позиции Японии и Китая относительно строительства ВАС в некоторых аспектах совпадали. Япония предпринимала попытки хотя бы в ЮВА – стратегически важном для себя регионе – освободиться от опеки Вашингтона и проявлять известную самостоятельность в формировании внешней политики. В действиях китайского руководства также просматривалось стремление вытеснить американцев из данного региона и поделить с ними сферы влияния в АТР по линии «восток – запад». Однако Япония активно выступала за расширенный состав ВАС, пытаясь «убить двух зайцев»: противопоставить гегемонистским устремлениям Китая другую мощную державу – Индию, и не допустить осложнений в отношениях с США за счет включения в Сообщество их традиционного союзника – Австралии. Кроме того, «Япония рассматривает Австралию как надежный источник ресурсов, учитывая тот факт, что она поставляет в страну порядка 60% каменного угля и железной руды и 25% урана, поэтому Япония весьма заинтересована в участии Австралии в восточноазиатской интеграции» [55, Р. 71–92]. В своей внешней политике Япония долгое время ориентировалась на США, и хотя сейчас японское руководство всячески стремится играть самостоятельную роль в международных делах, зависимость от США будет сохраняться. Поэтому не в интересах Японии провоцировать конфликтные ситуации со своим важнейшим партнером. Возможно, именно поэтому Япония так активно выступала за создание интеграционной группировки в расширенном составе.

Китайский проект региональной интеграции предполагал более закрытый состав, ограниченный форматом «АСЕАН+3». Представляется вполне очевидным, что предлагаемые проекты строились не только на основе ожидаемого экономического эффекта. Китай настаивал на сохранении формата «АСЕАН+3», пытаясь закрепить

за собой роль ведущей державы в Восточной Азии и одновременно вытеснить американцев из региона [60, Р. 60]. Однако китайский интеграционный проект не получил одобрения АСЕАН – Индия, Австралия и Новая Зеландия стали участниками Восточноазиатского саммита в 2005 г., несмотря на возражения Китая. АСЕАН, таким образом, продемонстрировала намерение и впредь оставаться в «водительском кресле» на региональных саммитах и контролировать процессы интеграционного строительства [49, Р. 256–279]. Страны АСЕАН проделали значительную работу, привлекая к сотрудничеству США, Россию, Индию, Японию и другие державы, чтобы создать необходимый стратегический баланс для вовлечения Китая в конструктивную систему региональных соглашений [52, Р. 225].

Страны АСЕАН, очевидно, продолжат балансирование между Японией и Китаем, постепенно привлекая в качестве противовеса Китаю еще одну мощную азиатскую державу – Индию. Индия, как и Китай, – бурно развивающаяся страна, с огромным демографическим, экономическим и неплохим научно-техническим потенциалом. По сравнению с тем, с какой осторожностью Япония и страны АСЕАН вырабатывают подход по отношению к Китаю, они не уделяют много внимания тому факту, что экономическая мощь Индии также интенсивно возрастает, и склонны рассматривать ее скорее как партнера. «Столь различное восприятие Индии и Китая объясняется тремя главными факторами: исторический статус Индии как одной из основательниц Движения неприсоединения, демократическое государственное устройство Индии, а также укрепление ее связей с Западом, особенно двусторонних отношений с Соединенными Штатами» [53, Р. 30–44]. Именно по этим причинам многие региональные державы активно выступали за включение Индии в Восточноазиатский саммит.

Индия, Австралия и Новая Зеландия активно привлекаются к экономическому сотрудничеству, к борьбе с «нетрадиционными» угрозами безопасности. Но большинство экспертов сходятся во мнении, что принципиальные решения, определяющие стратегию развития ВАС, по-прежнему принимаются в формате «АСЕАН+3». Во многом это обусловлено тем, что в формате «АСЕАН+6» противоречий и разногласий неизмеримо больше, чем в уже сложившейся группировке «АСЕАН+3». В формате «АСЕАН+6» четко просматривается несколько «полюсов силы» – государств, стремящихся занять доминирующие позиции в формирующемся Восточноазиатском сообществе. Это не только традиционный политический антагонизм Японии и Китая, но и бурно развивающаяся Индия, и Австралия, традиционно являющаяся проводником американской внешнеполитической линии в АТР. Относительно будущего «АСЕАН+3» тоже высказывались весьма скептические мнения. Многие государства склонны рассматривать этот диалоговый формат скорее как инструмент управления межгосударственными отношениями в регионе, нежели как фундамент для построения абстрактного Восточноазиатского сообщества. В настоящее время существуют все предпосылки для того, чтобы согласиться с мнением Джеймса Ангрессано: на данный момент «интересы каждой отдельно взятой страны будут определять пути региональной интеграции в гораздо большей степени, нежели солидарность внутри “АСЕАН+3”» [12, Р. 97–134]. Однако необходимо помнить о том, что «АСЕАН+3» создавался в период азиатского финансового кризиса и был призван служить инструментом его преодоления, поэтому вопросы финансового регулирования доминируют в повестке дня этого формата. Но в регионе много других нерешенных проблем, поэтому создание ВАС представляется вполне своевременным и перспективным.

В 2010 г. было принято вполне предсказуемое, но все же знаковое решение о расширении Восточноазиатского сообщества. На пятом саммите ВАС, проходившем в

Ханое, было официально объявлено о решении пригласить Россию и США присоединиться к ВАС [36]. С 1 января 2011 г. Россия и США стали полноправными членами сообщества. Со времен Второй мировой войны США играли важнейшую роль в институциональной архитектуре Восточной Азии. США выступали своеобразным стабилизатором в отношениях Китая и Японии, а также посредником между двумя корейскими и двумя китайскими государствами [11, Р. 245–262]. Соединенные Штаты по-прежнему остаются ключевым экономическим и политическим партнером для многих государств Восточной Азии [32, Р. 25]. Россия в последнее время стремится играть более активную роль в Азиатско-Тихоокеанском регионе. «Россия поддерживает системообразующую роль АСЕАН в формировании повестки дня ВАС. С удовлетворением отмечаем, что по основным ее вопросам позиции России и “десятки” совпадают. Стратегический диалог в рамках ВАС необходимо сосредоточить на вопросах совершенствования архитектуры безопасности и сотрудничества в регионе» [2], – заявил министр иностранных дел РФ Сергей Лавров, выступая на пленарном заседании шестого Восточноазиатского саммита.

С приходом таких влиятельных игроков, как Россия и США, расстановка сил в новом объединении может существенно измениться. США, скорее всего, будут опираться на своих традиционных союзников в регионе – Японию, Австралию, Индию и ряд стран – членов АСЕАН. Наибольшие опасения у всех участников ВАС вызывает стремительный рост экономического и политического значения Китая. «Китай является главной угрозой для Соединенных Штатов и всего остального мира просто в силу своего статуса новой экономической сверхдержавы. Такие стремительно растущие державы могут нарушить существующую систему международных отношений и спровоцировать экономические конфликты. Самые яркие примеры – Германия в конце XIX и начале XX в. (вместе с Японией)» [23, Р. 9–33], – писал Фред Бергстен, советник Генри Киссинджера по международным экономическим отношениям. Если ранее ядром объединения выступал формат «АСЕАН+3», то теперь в новом сообществе возможны разногласия между странами, поддерживающими Китай и США. Поскольку Китай и США являются ключевыми игроками на пространстве АТР, от их взаимоотношений во многом будет зависеть институциональная структура региона. Очевидно, что в американо-китайских отношениях в равной степени присутствуют элементы и кооперации, и конкуренции. Основные разногласия – по вопросам прав человека, статусу Тайваня и Тибета, торгового дисбаланса и прозрачности военной модернизации Китая. В то же время обе страны заинтересованы в том, чтобы совместно решать вопросы глобальной экономики, финансовых реформ, изменения климата, а также содействовать разрешению региональных конфликтов и поддерживать режим нераспространения ядерного оружия [59, Р. 350–372]. Российско-китайские отношения тоже нельзя назвать исключительно партнерскими. С одной стороны, Китай является огромным рынком для российского сырья и энергоресурсов, а также крупным импортером отечественного вооружения. С другой стороны, в российских политических кругах не утихают споры о том, что стремительный рост населения Китая может угрожать целостности РФ, учитывая слабую заселенность Сибири и Дальнего Востока. Кроме того, в ближайшем будущем Китай может потеснить Россию как крупнейшего экспортера вооружений, а также значительно превзойти по темпам экономического роста и технологической модернизации [54, Р. 3–35]. Можно предположить, что дальнейшее развитие и эффективность Восточноазиатского саммита во многом будут зависеть от политики Китая. Неопределенным пока остается место России – неизвестно, будут ли отечественные политики выдвигать

самостоятельные предложения в рамках нового диалогового формата или же только поддерживать инициативы других участников.

Восточноазиатский саммит в современной системе международных отношений

Можно утверждать, что для полноценной интеграции в Восточной Азии отсутствует необходимый политический консенсус вследствие различия политических систем, исторически сложившихся и до сих пор нерешенных проблем и взаимного недоверия. Здесь нет единственной мощной экономической державы, которая бы играла лидирующую роль в Восточной Азии подобно США в Западном полушарии (в АТР США не являются бесспорной доминантой), нет и прочных двусторонних взаимоотношений, подобно франко-германскому альянсу в Западной Европе [42, Р. 29–55]. С точки зрения экономического развития группировка «АСЕАН+3» уже обладает необходимыми предпосылками для создания интеграционного объединения по типу Европейского экономического сообщества. Доля внутрирегиональной торговли в «АСЕАН+3» составляет около 50% от их общего внешнеторгового оборота, что соответствует показателям ЕС накануне подписания Маастрихтских соглашений.

Таблица 1. Соответствие стран Восточной Азии Маастрихтским критериям

Страна	Инфляция		Бюджетный дефицит, % ВВП		Государственный долг, % ВВП	
	В среднем в 2000–2004	2005	В среднем в 2000–2004	2005	В среднем в 2000–2004	2005
Бруней	1,7	1,7	6,7	14,6	–	–
Камбоджа	2,7	5,8	–3,3	–3,1	63,3	43,0
Индонезия	8,5	10,5	–1,6	0,4	32,5	26,0
Лаос	11,0	6,2	–4,6	–	91,6	85,4
Малайзия	1,6	3,0	–5,2	–3,6	37,7	41,7
Мьянма	–	–	–	–	–	–
Филиппины	4,8	7,6	–4,5	–1,9	69,7	66,9
Сингапур	0,8	0,5	–0,6	6,0	100,9	102,9
Таиланд	1,8	4,5	–0,8	0,1	38,4	47,7
Вьетнам	4,3	8,7	–1,0	–6,4	6,5	8,3
Китай	1,3	1,8	–2,4	–1,3	21,0	19,2
Корея	3,5	2,7	2,0	1,9	19,0	–
Япония	–0,6	–0,3	–7,3	–5,8	127,6	155,5
В среднем в Восточной Азии	3,4	4,4	–1,9	3,6	55,3	59,7

Источник: [13, Р. 78].

Некоторые исследователи полагают, что все асеаноцентричные структуры, возникшие с начала 1990-х годов, — «АСЕАН+1», «АСЕАН+3», Восточноазиатский саммит — не совсем правомерно относить к региональной интеграции. Ричард Болдуин пишет, что регионализм предполагает преференциальную торговую либерализацию, которая должна распространяться только на членов группировки [17, Р. 449–478]. В Восточной Азии мы наблюдаем несколько иную картину: будучи участником одной или нескольких региональных структур, многие государства также заключают соглашения о свободной торговле еще с несколькими десятками партнеров, не входящих в данное объединение. Это в некоторой степени ставит под вопрос их экономическую эффективность.

Таблица 2. Соглашения АСЕАН и стран Восточной Азии о зонах свободной торговли, 2011 г.

Страна	Соглашения о зонах свободной торговли				Всего
	Подписанные, действующие	Подписанные	На стадии согласования	На стадии консультаций	
АСЕАН	6	0	1	2	9
Бруней	8	0	2	4	14
Вьетнам	7	0	3	3	13
Индонезия	7	1	2	7	17
Камбоджа	6	0	1	2	9
Лаос	8	0	1	2	11
Малайзия	8	2	6	3	19
Мьянма	6	0	2	2	10
Сингапур	18	3	10	4	35
Таиланд	11	0	7	6	24
Филиппины	7	0	1	4	12
Китай	10	1	6	8	25
Корея	6	1	9	10	26
Япония	11	0	5	6	21

Источник: [63].

Однако политическая интеграция, которая предполагает принятие и реализацию значительного числа совместных политических акций, пока отсутствует и вряд ли сложится в ближайшее время. Уникальность Восточной Азии заключается в том, что в данном регионе несколько «центров силы». АСЕАН всегда была главным организационным центром, Япония — экономическим, а США по-прежнему остаются главным игроком в сфере региональной безопасности. Учитывая неуклонно растущее влияние Китая, есть основания полагать, что именно Китай станет главным «центром силы» в Восточноазиатском регионе. Тем не менее все заинтересованные страны имеют разное представление о региональной повестке дня.

В целом сложившаяся ситуация позволяет сделать вывод о том, что именно конкурирующие концепции регионального строительства, исходящие, прежде всего, из геополитических соображений, а не стремление добиться снижения транзакционных

издержек или торговой либерализации, явились главной причиной активизации регионального строительства в Восточной Азии. **Интеграционные структуры на пространстве АТР по-прежнему являются и конкурирующими, и дополняющими друг друга организациями.** Разработка единой концепции относительно будущего азиатского региона, которая устроит всех игроков, представляется маловероятной [26, Р. 97–115]. Кроме того, некоторые исследователи вообще сомневаются в том, что восточноазиатские группировки будут играть значительную роль в международных отношениях. В частности, Марк Бисон считает, что первый кризис глобализации (подразумевается азиатский финансовый кризис 1997 г.) способствовал интенсификации регионального строительства в Восточной Азии, а второй кризис глобальной экономики (мировой финансовый кризис 2008–2009 гг.) может оказать прямо противоположный эффект [20, Р. 357–374]. **Экономика США понесла значительный ущерб, а влияние Китая, напротив, еще более возросло.** Китай стал великой державой, поэтому вполне вероятно, что борьба за лидерство в Восточной Азии уже не является для него приоритетом. С экономической точки зрения, страны Восточной и Юго-Восточной Азии перестали быть для Китая ключевым направлением – основными торговыми партнерами Китая в настоящее время являются США и Европейский союз [19, Р. 165–177]. Но Китай не намерен отказываться и от регионального лидерства. Китай пытается найти баланс между глобальной интеграцией и региональной – и восточноазиатской, и азиатско-тихоокеанской [18, Р. 105–125]. Китайское руководство использует различные форумы для достижения различных политических целей. Исходя из экономических соображений, формат «АСЕАН+3» остается для Китая наиболее привлекательной группировкой [56, Р. 520–538]. Таким образом, Китай и впредь будет поддерживать региональные интеграционные инициативы, хотя двусторонние отношения с ведущими партнерами останутся приоритетом китайской внешней политики [64, Р. 195–212].

Интересен вопрос о том, как соотносятся между собой две интеграционные структуры, возникшие на базе АСЕАН, – «АСЕАН+3» и Восточноазиатский саммит. Когда было принято решение об учреждении Восточноазиатского саммита, многие страны АСЕАН полагали, что диалоговый формат «АСЕАН+3» просто будет преобразован в ВАС [30, Р. 113–136]. **Однако сейчас мы наблюдаем сосуществование обеих организаций.** Существование двух институтов создает некоторую путаницу, но это может быть выгодно АСЕАН [37, Р. 236–259]. **Кроме того, дихотомия сферы деятельности асеаноцентричных диалоговых площадок способствует поддержанию мира и стабильности в регионе.** «АСЕАН+3» объединяет только азиатские страны, лидирующая роль там принадлежит Китаю. А после присоединения к Восточноазиатскому саммиту России и США, возможно, ведущую роль в нем будут играть неазиатские державы. И при формальной слабости, но за счет центрального положения во взаимодополняющих интеграционных структурах АСЕАН по-прежнему контролирует процессы регионального развития. Различные организации с разными странами-участницами и несовпадающими границами давно успешно сосуществуют в Азии. Но для решения комплексных проблем азиатского региона подобная «интеграционная мозаика» организаций с различными целями и перекрестным членским составом представляется вполне приемлемой моделью [45, Р. 239–254]. Есть основания полагать, что данная ситуация будет сохраняться и в долгосрочной перспективе.

Восточноазиатский саммит является относительно новым институтом, и хотя его структура полностью не определена, он объединяет всех ключевых игроков Азиатско-Тихоокеанского региона. ВАС по некоторым аспектам конкурирует с другими структурами, уже существующими в регионе. Но, как заметил Эрнест Бауэр, если бы

существующие организации были достаточно эффективны и отражали бы сложившийся баланс сил в регионе, ВАС не был бы сформирован [24]. Сейчас уже отчетливо просматривается тенденция разделения компетенций «АСЕАН+3» и Восточноазиатского саммита. На последних саммитах ВАС произошло не просто расширение повестки дня, а ее значительная переориентация на обсуждение вопросов политики и безопасности. Таким образом, Восточноазиатский саммит из площадки по обсуждению вопросов региональной значимости в области экономики после присоединения к нему США и России превращается в одно из ключевых интеграционных объединений в мире.

Таблица 3. Основные интеграционные структуры в Азиатско-Тихоокеанском регионе и сферы их деятельности

Организация, дата учреждения	Страны-члены	Основные направления деятельности	Главные инициативы
Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (Association of South-East Asian Nations, ASEAN), 1967	Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины	Экономическая кооперация; торговля, инвестиции; региональная безопасность; культурное взаимодействие	Сообщество безопасности; экономическое сообщество; зона свободной торговли
Форум «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество» (Asia Pacific Economic Cooperation, АПЕС), 1989	Австралия, Бруней, Вьетнам, Гонконг (специальный административный район КНР), Канада, Китайская народная республика (КНР), Индонезия, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Папуа – Новая Гвинея, Перу, Россия, Сингапур, США, Таиланд, Тайвань, Чили, Филиппины, Южная Корея, Япония	Поддержка бизнеса; экономическая и техническая кооперация; торговая и инвестиционная либерализация	Богорские цели; свободная торговля и инвестиции; декларация по проблемам изменения климата, энергетической безопасности и «чистого развития»
Форум «Азия – Европа» (Asia – Europe Meeting, АЕМ), 1996	Страны – члены АСЕАН, Секретариат АСЕАН, страны – члены Европейского союза, Европейская комиссия, Индия, Монголия, Пакистан, Япония, Китай, Республика Корея	Развитие культуры; финансовые и социальные реформы; торговые и инвестиционные барьеры; политические вопросы	Рамочное сотрудничество Азия – Европа; Фонд «Азия – Европа»
АСЕАН+3 (ASEAN+3, АРТ), 1997	Страны – члены АСЕАН, Япония, Китай, Республика Корея	Финансы; макроэкономика	Пересмотр финансово-экономической политики; Чианг-Майская инициатива
Диалог по сотрудничеству в Азии (Asia Cooperation Dialogue, АСД), 2002	Бангладеш, Бахрейн, Бруней, Бутан, Вьетнам, Индия, Индонезия, Иран, Казахстан, Камбоджа, Катар, Китай, Кувейт, Киргизия, Лаос, Малайзия, Монголия, Мьянма, ОАЭ, Оман, Пакистан, Россия, Саудовская Аравия, Сингапур, Таджикистан, Таиланд, Узбекистан, Филиппины, Шри-Ланка, Южная Корея, Япония	Торговля и инвестиции, технологии, туризм, валюта и финансы, энергетика, сельское хозяйство, здоровье и образование, политические вопросы	Ежегодные встречи на уровне министров; 19 проектов в различных сферах, предполагающих сотрудничество стран-членов

Организация, дата учреждения	Страны-члены	Основные направления деятельности	Главные инициативы
Восточноазиатский саммит (East Asia Summit, EAS), 2005	Страны – члены АСЕАН, Австралия, Индия, Китай, Южная Корея, Новая Зеландия, Россия, США, Япония	Экономическое сообщество, энергетика и окружающая среда, торговля и финансы	Декларация по проблемам изменения климата, энергетике и окружающей среде; Декларация об энергетической безопасности в Восточной Азии

Примечание. Составлено автором по [9].

Так какое же место занимают новые интеграционные группировки Восточной Азии в современной системе международных отношений? Некоторые исследователи склонны полагать, что отсутствие четкой платформы для взаимодействия с такими структурами глобального управления, как «Группа восьми» и «Группа двадцати», было главным упущением в процессе оформления новых региональных организаций [35, Р. 208–212]. Восточная Азия играет все большую роль в глобальной экономике, а формат «большой двадцатки» позволяет эффективно отстаивать национальные и региональные интересы на мировой арене.

Юсуф Вананди характеризует Восточноазиатский саммит как подобие «большой восьмерки» для Восточной Азии [57, Р. 19–37]. На данный момент в качестве приоритетных направлений работы Восточноазиатского саммита называют финансы, энергетику, образование, здравоохранение и реагирование на чрезвычайные ситуации. Примечательно, что некоторые исследователи говорят о необходимости развивать сотрудничество между региональными организациями и новыми институтами глобального управления – «Группой восьми» и «Группой двадцати». В частности, профессор университета Хитоцубаси Ямадзава Иппей пишет о необходимости тесной кооперации между АТЭС и «Группой двадцати» [61]. Он мотивирует это тем, что девять стран – членов АТЭС представлены в «Группе двадцати», а повестка дня обеих организаций по ряду вопросов совпадает. На саммите в Питтсбурге в 2009 г. прозвучала мысль, что именно «Группа двадцати», а не «восьмерка» должна стать главной площадкой для обсуждения глобальных проблем развития. В Восточной Азии эту идею восприняли с энтузиазмом, так как в формате «Группы восьми» очевидно европейское доминирование [46, Р. 99]. Некоторые исследователи полагают, что недовольство стран Азии политикой МВФ и мировой экономической системой в целом после азиатского финансового кризиса 1997 г. послужило одним из катализаторов интенсивного институционального строительства в Восточной Азии [41, Р. 273–290]. Диалоговый формат «АСЕАН+3» рассматривался, в том числе, и как региональный блок для отстаивания коллективных интересов на международной арене. Государства Восточной Азии хотели создать свои собственные институты, чтобы дополнить несовершенную структуру мировой финансовой системы и не зависеть так сильно от Всемирного банка и МВФ, где главная роль принадлежит США [40, Р. 489–518]. Поэтому участие в саммитах «Группы двадцати» представляется для стран Восточной Азии особенно важным, поскольку в этих встречах принимают участие и представители МВФ.

Тем не менее некоторые исследователи работу азиатских членов в рамках «двадцатки» оценивают скептически. Хьюго Добсон считает, что на данный момент все шесть азиатских стран не очень заинтересованы в углублении сотрудничества в рамках «двадцатки». Индия и Китай не проявляют должного интереса к выполнению обяза-

тельств в рамках данного форума. Индонезия пытается использовать формат форума для превращения из региональной державы в глобальную, но многочисленные внутривластные проблемы сводят на нет подобные амбиции. Япония явно отдает предпочтение участию в саммитах «восьмерки» как более узкой группировке развитых стран. Южная Корея использует участие в «Группе двадцати» в основном для укрепления авторитета руководства внутри страны. Австралия же поддерживает реформу архитектуры глобального управления и координацию позиций азиатских государств [33, Р. 106–122]. Как отмечает А. Ахария, глобальное изменение соотношения сил в мировой политике – прежде всего, стремительный подъем Китая, Индии, Бразилии и других держав – создает предпосылки для изменения роли региональных организаций в системе международных отношений [10, Р. 3–15]. Вероятны различные сценарии – усиление влияния региональных структур и дальнейшая консолидация стран вокруг региональных блоков, либо ослабление региональных организаций, которые практически утратят возможность влиять на глобальные процессы. Некоторые страны, например Китай, Индия и Индонезия, в последнее время уделяют больше внимания институтам глобального управления, таким как «Группа двадцати», в то время как сотрудничество в рамках региональных структур отходит на второй план. Другие страны, в частности ЮАР, напротив, используют региональные платформы для усиления влияния на международной арене.

В настоящее время шесть азиатских членов «Группы двадцати» даже не имеют механизма для согласования своих позиций в рамках данного института [62, Р. 85–104]. Наличие консультационного органа позволило бы азиатским странам координировать свои позиции в рамках форума и более эффективно проводить свою линию в рамках «двадцатки». В заявлении председателя АСЕАН в честь 45-й годовщины создания организации присутствует понимание того, что «АСЕАН, чтобы продолжить укрепление своей центральной роли в создании региональной архитектуры, нужно сосредоточиться на взаимодействии с внешними партнерами и международным сообществом», в том числе с ООН и «Группой двадцати»². Представляется, что углубление взаимовыгодного сотрудничества между структурами глобального управления – «восьмеркой» и «двадцаткой» – и азиатскими региональными группировками, такими как АТЭС, АСЕАН, ВАС, – лишь вопрос времени.

Развивающийся процесс нового азиатского регионализма был порожден практическими соображениями и фактически явился ответом на вызовы глобализации. Первоначально он протекал без четко сформулированных целей, более того, по ряду вопросов достижение консенсуса между участниками представлялось маловероятным. В связи с этим можно сделать вывод, что наиболее значимым политическим императивом, способствовавшим укреплению сотрудничества в Восточной Азии, было стремление к улучшению региональных взаимоотношений, достижению длительного мира, стабильности и процветания в регионе, а вовсе не стремление к созданию четко структурированной региональной организации. Наблюдатели отмечают: геополитический ландшафт Большой Восточной Азии постепенно приобретает новые очертания, а текущие интеграционные процессы способны кардинально изменить облик всего региона.

² ASEAN: One Community, One Destiny. Statement by the Chairman of ASEAN on the 45th Anniversary of ASEAN: The Way Forward, Phnom Penh // The ASEAN Official Website. 4.04.2012. URL: http://www.aseansec.org/documents/20th%20summit/45th%20Anniversary_English_FINAL.pdf (date of access: 15.11.2012).

Сейчас еще рано говорить о том, какую роль будет играть расширенное ВАС в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Но на данный момент есть все основания полагать, что Восточноазиатский саммит в перспективе может превратиться в главную региональную площадку для обсуждения политических проблем.

Литература

1. Васильев Л.Е., Локшин Г.М. Сообщество безопасности АСЕАН // АСЕАН в начале XXI в. Актуальные проблемы и перспективы. М.: Форум, 2010.
2. Выступление министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на пленарном заседании 6-го Восточноазиатского саммита, о. Бали, Индонезия // Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ. 19.11.2011 г. URL: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-rasia.nsf/3a0108443c964002432569e7004199c0/c32577ca001745864425794d00328e92!OpenDocument> (дата обращения: 10.03.2012).
3. Канаев Е.А., Мынкин Д.А. АСЕАН: итоги кризиса и перспективы сотрудничества с Россией // Тихоокеанская Азия: экономические и политические последствия глобального финансового кризиса / под ред. В.Б. Амирова, Е.А. Канаева, В.В. Михеева. М.: ИМЭМО РАН, 2010.
4. Локшин Г. 40 лет Ассоциации государств Юго-Восточной Азии // Обозреватель. 2007. № 7.
5. Малетин Н.П. АСЕАН: четыре десятилетия развития. М.: МГИМО, 2007. С. 219.
6. Рогожин А.А. АСЕАН на пути к экономическому сообществу // Международная жизнь. 2010. № 10.
7. Мосяков Д.В. Новые реалии в интеграционных процессах в Восточной и Юго-Восточной Азии и их возможные последствия // Юго-Восточная Азия в 2002 г. Актуальные проблемы развития. М.: Инфо, 2003.
8. Севастьянов С.В. Институты Азиатско-Тихоокеанского и Восточноазиатского регионализма: динамика развития, проблемы и интересы участников // Россия и АТР. 2008. № 3.
9. ADB Working Paper Series on Regional Economic Integration No. 32. Developing Indicators for Regional Economic Integration and Cooperation, 2009.
10. Acharya A. Comparative Regionalism: A Field Whose Time has Come? // The International Spectator: Italian Journal of International Affairs. 2012. Vol. 47. No. 1.
11. Aggarwal Vinod K., Min Gyo Koo, Seungjoo Lee. The future of Northeast Asia's Institutional Architecture // Northeast Asia: Ripe for Integration? / V.K. Aggarwal (ed.). Springer, 2008.
12. Angresano J. ASEAN+3: Is an Economic Community in Their Future? // International Economic Integration and Asia / M.G. Plummer (ed.). World Scientific. 2006. Vol. 3.
13. Arifin S., Winantyo R., Kurniati Y. Integrasi keuangan dan moneter di Asia Timur: peluang dan tantangan bagi Indonesia. Elex Media Komputindo, 2007.
14. The ASEAN Charter // The ASEAN Official Web Site. URL: <http://www.aseansec.org/publications/ASEAN-Charter.pdf> (date of access: 15.10.2012).
15. ASEAN Protocol on Enhanced Dispute Settlement Mechanism // The ASEAN Official Web Site. URL: <http://www.aseansec.org/16754.htm> (date of access: 15.11.2012).
16. ASEAN Vision 2020 // The ASEAN Official Web Site. URL: <http://www.aseansec.org/5228.htm> (date of access: 15.10.2012).
17. Baldwin R.E. Managing the Noodle Bowl: the Fragility of East Asian Regionalism // The Singapore Economic Review. 2008. Vol. 53. No. 3.

18. Baogang H. East Asian Ideas of Regionalism: a Normative Critique // *Australian Journal of International Affairs*. 2004. Vol. 58. No. 1.
19. Baogang H., Takashi I. Introduction to Ideas of Asian Regionalism // *Japanese Journal of Political Science*. 2011. Vol. 12. No. 2.
20. Beeson M. Crisis dynamics and regionalism: East Asia Incomparative Perspective // *The Pacific Review*. 2011. Vol. 24. No. 3.
21. Beeson M. Rethinking Regionalism: Europe and East Asia in Comparative Historical Perspective // *Journal of European Public Policy*. 2005. Vol. 12. No. 6.
22. Berger M. *The Battle for Asia: from Decolonization to Globalization* // *Asia's Transformations, Critical Asian Scholarship*. Oxford: Routledge, 2004.
23. Bergsten F.C. *China's Challenge to the Global Economic Order* // *China's Rise: Challenges and Opportunities* / C. Bergsten, C. Freeman, N.R. Lardy, D.J. Mitchell (eds.). Peterson Institute, 2009.
24. Bower E.Z. East Asia Summit: Next Step in Structure // *The Center for Strategic and International Studies*. Washington D.C. 14.11.2011. URL: <http://csis.org/publication/east-asia-summit-next-step-structure> (date of access: 10.03.2012).
25. Camroux D. "Asia, whose Asia?" Evolving conceptions of an Asian Community from the 1920s till today // *The Evolution of Regionalism in Asia: Economic and Security Issues* / H. Dieter (ed.). Oxford: Routledge, 2007.
26. Camroux D. Regionalism in Asia as Disguised Multilateralism: A Critical Analysis of the East Asia Summit and the Trans-Pacific Partnership // *The International Spectator: Italian Journal of International Affairs*. 2012. Vol. 47. No. 1.
27. Cha-am Hua Hin Declaration on the Intergovernmental Commission on Human Rights // *The ASEAN Official Web Site*. URL: <http://www.aseansec.org/15thsummit/Declaration-AICHR.pdf> (date of access: 15.11.2012).
28. Cha-am Hua Hin Declaration on the Roadmap for the ASEAN Community (2009–2015) // *The ASEAN Official Web Site*. URL: <http://www.aseansec.org/22432.htm> (date of access: 15.10.2012).
29. Chalermphanupap T. An East Asian FTA: a New Frontier of Economic Cooperation in East Asia // *East Asian Economic Regionalism: Feasibilities and Challenges* / A. Yong, R.E. Baldwin, C. Inkyo (eds). L.: Springer, 2005.
30. Cheol K.J. Politics of Regionalism in East Asia: the case of the East Asia Summit // *Asian Perspective*. 2010. Vol. 34. No. 3.
31. Declaration of ASEAN Concord II (Bali Concord II) // *The ASEAN Official Web Site*. URL: <http://www.aseansec.org/15159.htm> (date of access: 15.10.2012).
32. Dent C.M. *East Asian regionalism*. Oxford: Taylor & Francis, 2008.
33. Dobson H. Asia Shaping the Group of 20 or the Group of 20 Shaping Asia? // *The Asia-Pacific, Regionalism and the Global System* / C.M. Dent, J. Dosch (eds.). Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited, 2012.
34. Dosch J. The Post-Cold War Development of Regionalism in East Asia // *Regionalism in East Asia: paradigm shifting?* / Fu-Kuo Liu, P. Régnier (eds.). Oxford: Routledge, 2003.
35. Drysdale P., Armstrong Sh. Regional and International Cooperation Architecture as Public Goods // *International Institutions and Asian Development* / S. Armstrong, V.T. Thanh (eds.). Oxford: Routledge, 2011.
36. Ha Noi Declaration on the Commemoration of the Fifth Anniversary of the East Asia Summit. 30.10.2010 // *The ASEAN Official Web Site*. URL: <http://www.aseansec.org/25548.htm> (date of access: 15.02.2012).

37. Hamanaka S. Asia-Only versus Asia-Pacific Regionalism: The Regionalism Cycle in Summits and Financial Cooperation // *Pacific Focus*. 2011. Vol. XXVI. No. 2.
38. Initiative for ASEAN Integration (IAI) Strategic Framework and IAI Work Plan 2 (2009–2015) // The ASEAN Official Web Site. URL: <http://www.aseansec.org/22325.pdf> (date of access: 15.11.2012).
39. Jimbo K. An Emerging East Asian Community? The Political Process of Regionalism in East Asia // *An East Asian Community and the United States* / R.A. Cossa, A. Tanaka (eds.). Washington D.C.: Center for Strategic and International Studies, 2007.
40. Kai H. Institutional Balancing and International Relations Theory: Economic Interdependence and Balance of Power Strategies in Southeast Asia // *European Journal of International Relations*. 2008. Vol. 14. No. 3.
41. Katada S.N. Seeking a Place for East Asian Regionalism: Challenges and Opportunities under the Global Financial Crisis // *The Pacific Review*. 2011. Vol. 24. No. 3.
42. Kawai M. East Asian Economic Regionalism: Progress and Challenges // *Journal of Asian Economics*. 2005. Vol. 16.
43. Kuala Lumpur Declaration on the East Asia Summit, Kuala Lumpur. 14.12.2005 // The Australian Government Official Web Site. URL: http://www.dfat.gov.au/asean/051214_kl_declaration.html (date of access: 15.02.2012).
44. Overholt W.H. *Asia, America, and the Transformation of Geopolitics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
45. Pempel T.J. The Race to Connect East Asia: An Unending Steeplechase // *Asian Economic Policy Review*. 2006. No. 1.
46. Pomfret R. *Regionalism in East Asia: Why Has It Flourished Since 2000 and How Far Will It Go?* // World Scientific. 2010.
47. Severino R. *ASEAN*. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 2008.
48. Shambaugh D.L. *The Rise of China and Asia's New Dynamics* // *Power shift: China and Asia's New Dynamics* / D.L. Shambaugh (ed.). California: University of California Press, 2005.
49. Sheng Lijun. *China and ASEAN in Asian Regional Integration* // *China and the New International Order* / Wang Gungwu, Zheng Yongnian (eds.). Routledge, 2008.
50. Singapore Declaration on the ASEAN Charter // The ASEAN Official Web Site. URL: <http://www.aseansec.org/21233.htm> (date of access: 15.10.2012).
51. Stubbs R. ASEAN Plus Three: Emerging East Asian Regionalism? // *Asian Survey*. 2002. Vol. 42 (3).
52. Sutter R.G. *Chinese Foreign Relations: Power and Policy since the Cold War* (3rd ed.). N. Y.: Rowman & Littlefield Publishers, 2012.
53. Tanaka H. Japan's Policy for East Asia // *Asia-Pacific Review*. 2007. Vol. 14. No. 2.
54. Tellis A.J. The United States and Asia's Rising Giants // *Asia Responds to its Rising Powers: China and India*. Strategic Asia 2011–2012 / A.J. Tellis, T. Tanner, J. Keough (eds.). The National Bureau of Asian Research, 2011.
55. Terada T. The Origins of ASEAN+6 and Japan's Initiatives: China's Rise and the Agent – Structure Analysis // *The Pacific Review*. 2010. Vol. 23. No. 1.
56. Wan Ming. The Great Recession and China's Policy toward Asian Regionalism // *Asian Survey*. 2010. Vol. 50. No. 3.
57. Wanandi J. *East Asian Regionalism and Global Governance* // *East Asia at a Crossroads* / J. Wanandi, T. Yamamoto (eds.). Tokyo: Japan Center for International Exchange, 2008.

58. Weatherbee D.E. ASEAN's Identity Crisis // *Legacy of Engagement in Southeast Asia* / A.M. Murphy, B. Welsh (eds.). Singapore: ISEAS, 2008.
59. Weixing H.R. China, the US and Regional Institution Building in East Asia // *East Asian Economic Integration – Law, Trade and Finance* / R.P. Buckley, R.H. Weixing, D.W. Arner (eds.). Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2011.
60. Xinbo Wu. Chinese Perspectives on Building an East Asian Community in the Twenty-first Century // *Asia's New Multilateralism: Cooperation, Competition, and the Search for Community* / J.G. Michael, G. Bates (eds.). N. Y.: Columbia University Press, 2009.
61. Yamazawa I. G20 and APEC Go in Tandem; an Expected Synergy. CEAC Commentary // The Council on East Asian Community Official Web Site. 24.02.2009. URL: http://www.ceac.jp/e/e-letter/backnumber/back_num090310.html (date of access: 10.03.2012).
62. Yoon D.R. The G20 and the Role of Asia in the Future // *Asian Responses to the Global Financial Crisis. The Impact of Regionalism and the Role of the G20* / J. Park, T.J. Pempel, G. Xiao (eds.). Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited, 2012.
63. Yunling Zh. Emerging New East Asia Regionalism // *Asia-Pacific Review*. 2005. Vol. 12 (1).
64. Yuzhu W. China, Economic Regionalism, and East Asian Integration // *Japanese Journal of Political Science*. 2011. Vol. 12. No. 2.
65. Zhang Y., Shen M. The Status of East Asian Free Trade Agreements // *ADB Working Paper Series*. May 2011. No. 282.